

Ж и т и е
Адмирала Российского флота,
благочестивого боярина Федора Ушакова

Адмирал Российского флота, благочестивый боярин Федор Ушаков родился 13 февраля 1745 года в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции и происходил из небогатого, но древнего дворянского рода. Родителей его звали Федор Игнатьевич и Параскева Никитична, и были они людьми глубоко верующими.

В те послепетровские времена дворянских недорослей обыкновенно определяли в гвардию, служил в ней и отец будущего адмирала, и даже пришлось ему повоевать с турками в войну 1735 -39 годов, но после рождения третьего сына Федора был уволен от службы с пожалованием сержантского чина лейб-гвардии Преображенского полка. Получив «пашпорт» по Именному указу, он вернулся в родное сельцо, сменив царскую службу на хозяйственные хлопоты и воспитание детей.

День появления на свет Божий будущего адмирала Российского флота приходится между празднованием памяти двух воинов-великомучеников: Федора Стратилата и Федора Тирона (8 и 17 февраля), — а вся жизнь Российского флотоводца, от младенчества даже до самой смерти, прошла под благотворным влиянием его родного дяди, преподобного Федора Санаксарского — великого воина в духовной брани. Преподобный Федор родился и вырос в том же сельце Бурнаково, отсюда ушел в свое время служить в столичную гвардию, но затем, после необыкновенных обстоятельств и желая стяжать звание воина Царя Небесного, принял монашеский постриг в Александро-Невской Лавре Санкт-Петербурга в 1748 году, — и это исключительное для семейства Ушаковых событие, вкуче с последующими известиями о его монашеском служении Богу, было, вне всяких сомнений, постоянным предметом разговоров и назидательным примером среди родственников, было на слуху и у подраставшего Федора.

Большое семейство Ушаковых было прихожанами храма Богоявления-на-Острове, находившегося в трех верстах от Бурнаково на левом берегу Волги. В храме этом Федора крестили, здесь же, при мужском Островском Богоявленском монастыре, при котором была школа для дворянских детей, он обучался грамоте и счету. Федор Игнатьевич и Параскева Никитична, будучи очень набожны, почитали главным условием воспитания детей развитие высоких религиозных чувств и строгой нравственности. Эти чувства, возбужденные примерами его семейства и особенно его родного дяди-монаха, глубоко напечатлелись в сердце возраставшего отрока, сохранились и стали господствующими во всю его последующую жизнь. В глуши деревенского поместья было много простора для физического развития; отрок Федор, обладая врожденным безстрашием характера, находил лучшим для себя удовольствием пренебрежение опасностями, и нередко, в сопровождении таких же смельчаков, отваживался, как отмечают биографы, на подвиги не по летам — так, например, со старостою деревни своей он хаживал на медведя. Эти качества — безстрашие и пренебрежение к опасностям — также укрепились в характере Федора и сопровождали его всю жизнь. Скромный и уступчивый в обычных условиях, Федор Ушаков как бы перерождался в минуты опасности и без страха смотрел ей прямо в лицо.

Пришло время, и шестнадцатилетний Федор был представлен в герольдмейстерскую контору для второго смотра, где и показал, что «российской грамоте и писать обучен... желает-де он, Федор, в Морской кадетский корпус в кадеты». Детство закончилось.

Морской кадетский корпус располагался в Санкт-Петербурге, на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. В феврале 1761 года туда был зачислен Федор Ушаков, но дяди своего не застал — монах Федор был уже в Тамбовской губернии, в Санаксаре.

Ко времени поступления Федора Ушакова Морской корпус представлял собою еще не настроившееся для правильной учебной жизни заведение. Науки преподавались достаточно хорошо, чтобы образовать исправного морского офицера, но внутреннего порядка, присмотра за детьми, должного наблюдения за нравственностью не было. Кадеты были предоставлены самим себе, и, при склонности подростков к подражанию и молодечеству, дурные товарищи имели большее влияние, чем хорошие. Кроме того, много надежд возлагалось на розгу. Ею старались заменить недостатки воспитания. Но неблагоприятные школьные условия не отразились на юноше Федоре; добрые свойства его характера, принесенные им в корпус из родной семьи и из периода детства, оградили его от порчи. Будущий адмирал, отличаясь хорошей учебой и нравственностью, прилежно постигал преподаваемые ему науки, особую склонность проявляя к арифметике, навигации и истории, и через пять лет успешно, одним из лучших, окончил Морской корпус, получил офицерский чин и был приведен к присяге:

«Аз, Федор Ушаков, обещаюся и клянуся всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ моей всемилостивейшей Государыне ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА любезнейшему Сыну Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному всероссийского престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...»

Совершилось! Вся его последующая жизнь — от мичмана до адмирала — стала подтверждением того, что он ни в чем не изменил этой своей присяге.

После выпуска из Морского корпуса Федора Ушакова направили на флот Балтийского моря. И сразу же молодой моряк оказался в длительном вояже вокруг Скандинавии до Архангельска. По этому маршруту со времен Петра Великого ходили русские моряки, но он считался одним из труднейших. Северные моря редко бывают спокойными, и для молодого офицера это была хорошая морская школа. Первые годы службы на флоте прошли в интенсивной учебе под руководством опытных моряков. Пытливый ум и природная смекалка молодого мичмана Федора Ушакова быстро выдвинули его вперед по сравнению с другими сверстниками. Он был переведен на юг, в Азовскую флотилию. Здесь и произошло первое знакомство будущего адмирала с местами, где состоятся затем события, на века прославившие его имя.

С давних времен история России была тесно связана с Черным морем. Через него проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Уже тогда русичи считались храбрыми мореходами. Русские ладьи в IX-X веках имели на Черном море полное господство, оттого и называлось оно Русским. Позднее Русь была отеснена от Черного моря, которое с XVI века стало внутренним морем грозной Османской империи, прибравшей к рукам весь Балканский полуостров и все причерноморские земли. Под протекторатом Турции оказался и Крым. В конце XVII- начале XVIII века в ходе политического самоутверждения Российского государства вновь на первый план выдвинулась идея возвращения к побережью Черного моря. При Петре Великом был рожден российский военный флот, и цели удалось достигнуть. Но после неудачного

Прутского похода 1711 года от Черного моря в очередной раз пришлось отойти. Не решила черноморскую проблему и русско-турецкая война 1735-1739 годов, на которой воевал еще отец Феодора Ушакова Феодор Игнатьевич, наверняка рассказывавший сыну о своих ратных делах. Для успешной борьбы с турками не хватало мощного военного флота.

По вступлении на престол Екатерины II наметился заметный прогресс в государственных и военных делах. Так, в 1778 году, в тридцати верстах выше устья Днепра, недалеко от урочища Глубокая пристань было устроено адмиралтейство, основаны порт и город Херсон, ставший центром кораблестроения в Причерноморье. Во главе предприятия был поставлен князь Григорий Александрович Потемкин. Застучали топоры, закипела работа по сооружению эллингов под корабли. Однако из-за больших трудностей с доставкой леса из глубинных районов России строительство затянулось. Кроме того, на верфях не хватало мастеровитых рабочих рук. Даже выписанные кн.Потемкиным из Олонецкой губернии плотники не могли хорошо выполнять работу без опытных корабельных мастеров. Дело начало поправляться лишь с прибытием офицеров и команд на строившиеся корабли. В августе 1783 года в Херсон прибыл и капитан 2 ранга Феодор Ушаков. И вскоре стал заметно выделяться среди других командиров своей настойчивостью и умением организовать дело.

В это же время в городе началась эпидемия чумы. Чума и оспа считались тогда самыми страшными болезнями. Они буквально выкашивали целые города и селения. Возникавшие эпидемии ввергали людей в панику. В Херсоне был установлен карантин. Проводились примитивные профилактические мероприятия. В то время считалось, что чума распространяется по воздуху. В народе она называлась еще «моровым поветрием», а потому повсеместно старались изгнать заразу из воздуха. Для этого на улицах разводили костры, окуривали жилища, в рот клали чеснок. Но эпидемия усиливалась. Несмотря на сложную военно-политическую обстановку, требовавшую продолжения строительства кораблей, был дан приказ полностью прекратить работы и все силы бросить на борьбу с чумой.

Все команды были выведены в степь. Не хватало врачей, их обязанности принимали на себя командиры. И Феодор Ушаков, со свойственной ему серьезностью отношения к делу, стал твердо устанавливать особый карантинный режим. Всю свою команду он разделил на артели. У каждой имелась своя палатка из камыша, по сторонам которой были установлены козлы для проветривания белья. На значительном удалении располагалась больничка. Если в артели появлялся заболевший, его немедленно отправляли в отдельную палатку, а старую вместе со всеми вещами сжигали. Остальные артельщики переводились на карантин. Общение одной артели с другой было строго запрещено. Ушаков сам неустанно за всем этим следил. В результате энергичных действий капитана Ушакова в его команде чума исчезла на четыре месяца раньше, чем в других. В самое тяжелое по напряженности время эпидемии он никого не посылал в госпиталь, переполненный больными, и спас от смерти многих, пользуя их при команде. За умелые действия и проявленные при этом старания Феодор Ушаков был произведен в капитаны 1 ранга и награжден своим первым орденом Св.Владимира 4-й степени. В рескрипте Императрицы отмечалось: «Усердная Ваша служба, особенное в делах радение и искусство и точное исполнение должностей с успехом и пользою государственною обращает на себя НАШЕ внимание и милость.» А один из биографов впоследствии писал: «Во многих отдельных случаях жизни и службы адмирала Ф.Ф.Ушакова можно проследить присутствующую

исключительным талантам способность проявлять выдающуюся инициативу во всяком деле, какое попадало в руки. Борьба с чумой в 1783 году в Херсоне подтверждает наличие в Ушакове такого таланта.»

А тем временем Екатерина II, желая иметь порт на Черном море, весной 1783 года повелела командующему Азовской флотилией обследовать Крымские берега. Оказалось, что Ахтиарская бухта превосходна для стоянки в ней кораблей. Далее последовал ряд законодательных актов, упрочивших положение России на юге страны. Трактатом от 28 декабря 1783 года Крым был присоединен к России. И тогда же Екатериной II был издан указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, среди которых необходимо было выстроить и «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение». В августе 1785 года в Севастополь из Херсона на 66-пушечном линейном корабле «Св.Павел» прибыл капитан 1 ранга Федор Ушаков. Здесь начинается одна из ярчайших страниц жизни выдающегося русского флотоводца.

Усиление позиции России на юге не давало покоя Оттоманской Порте. Заручившись поддержкой европейских держав, Порта начала решительно готовиться к войне и, как только представилась возможность, объявила ее.

В России манифест о начале войны с Турцией был обнародован 9 сентября 1787 года. Для ведения боевых действий создали две армии: Екатеринославскую под предводительством генерал-фельдмаршала Г.А.Потемкина-Таврического и Украинскую генерал-фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунайского. На первое время им предписывалось лишь охранять российские границы и только Севастопольскому флоту велено действовать решительно. Вскоре произошла первая на здешнем море «генеральная нашего флота баталия». Турецкий капудан-паша, т.е. командующий турецким флотом, получив известие о выходе в море севастопольской эскадры, покинул Очаков и двинулся ей навстречу. К этому времени он получил значительное подкрепление из Константинополя и его флот насчитывал 17 линейных кораблей и 8 фрегатов. А в русской эскадре, авангардом которой командовал капитан бригадирского ранга Федор Ушаков, было всего два линейных корабля и 10 фрегатов. 29 июня 1788 года противники обнаружили друг друга и находились во взаимной близости, стараясь выиграть ветер и сохранить линию баталии. Но вот 3 июля у острова Фидониси бой стал неизбежен. Турецкий флот всей мощью своей линии стал спускаться на русские корабли. И тут авангардный отряд Ушакова, «употребив старание и искусство», прибавил парусов и решительным маневром лишил возможности «крокодила морских сражений» Эски-Гассана охватить русские корабли и взять их на абордаж. Вместе с тем Ушаков отрезал от основных сил два передовых турецких корабля. Те, в свою очередь, обнаружив свое гибельное положение, не дожидаясь никакого сигнала, бросились спасаться бегством «с великой поспешностью». Напрасно капудан-паша палил им вслед, вскоре он и сам, не выдержав атаки русских фрегатов, вынужден был пуститься вдогонку своим кораблям. Примеру флагмана последовали и остальные турецкие суда. Победа была за русской эскадрой.

Это сражение хоть и не имело существенного влияния на дела всей кампании, но оно было примечательно в другом. Впервые в открытом морском бою малочисленный русский флот одержал победу над превосходящими силами противника. Это было началом конца турецкого морского владычества на Черном море и, вместе с тем, началом расцвета русского военно-морского искусства. Пришло время, когда успех стал зависеть от

инициативы флотоводца, от решительного и сосредоточенного удара. Федор Ушаков дал яркий пример этому. Начальствуя только авангардом, он в действительности руководил боем всей эскадры, и его личная храбрость, искусное владение тактикой, выдающиеся качества командира и высокий духовный облик решили сражение в нашу пользу. В своем донесении Федор Ушаков отдал должное мужеству и стремлению к победе своих подчиненных: «Все находящиеся в команде вверенного мне корабля «Святого Павла» господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исполняли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнесть им всякую за то достойную похвалу...»

Закончился первый год войны, и молодой Черноморский флот нанес ощутимые удары турецким морским силам, одержав при этом полную моральную победу, приведя Порту «в чрезвычайный страх и ужас». Федор Ушаков, получив чин контр-адмирала, был назначен в начале 1790 года командующим Черноморским флотом. Князь Потемкин писал Императрице: «Благодаря Бога, и флот и флотилия наши сильнее уже турецких. Есть во флоте Севастопольском контр-адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник.» А в боевой инструкции кн.Потемкина Федору Ушакову говорилось: «Требуйте от всякого, чтоб дрались мужественно или, лучше скажу, по-черноморски; чтоб были внимательны к исполнению повелений и не упустили полезных случаев... Бог с вами! Возлагайте твердую на Него надежду. Ополчась Верою, конечно победим. Молю Создателя и поручаю вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!»

С таковым напутствием служил православный воин Федор Ушаков, умножая славу любезного Отечества!

А турки спешно приводили себя в боевой порядок. В начале июля, недалеко от Керченского пролива, произошло очередное сражение, в котором эскадра Ушакова вновь одержала победу, заставив турецкий флот удирать сломя голову. «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, — писал Ушаков. — Они стреляли в неприятельский корабль не часто и с такою сноровкою, что, казалось, каждый учится стрелять по цели.» Конечно, такое хладнокровие, неустрашимость и спокойная уверенность, проявленные участниками горячего боя, говорят о великом примере их предводителя. Русские моряки поняли: где Ушаков — там победа! Князь Г.А.Потемкин докладывал Императрице: «...бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко и порядочно контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее... разбил сильно и гнал до самой ночи... Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его.» Екатерина II отвечала: «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчера молебствием у Казанской... Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным.»

После поражения при Керчи разбросанный по всему морю турецкий флот вновь стал собираться в единую эскадру. Гуссейн-паша жаждал реванша. Своей решимостью сразиться с ненавистным и страшным Ушак-пашою, как называли нашего адмирала турки, он убедил султана в скором поражении российских морских сил. Султан Селим III для верности дал в помощь своему другу и родственнику (Гуссейн был женат на сестре султана) опытного адмирала Саид-бея, намереваясь переломить ход событий в пользу Турции. Но одно дело намерения, а другое — встреча лицом к лицу с русским православным воинством. Утром 28 августа турецкий флот стоял на якоре между

Гаджибеем (будущая Одесса) и островом Тендра. И вдруг со стороны Севастополя Гуссейн обнаружил Российский флот, идущий под всеми парусами в походном порядке трех колонн. Появление русской эскадры Ушакова привело турок в чрезвычайное замешательство. Несмотря на превосходство в силах, они спешно стали рубить канаты и в беспорядке отходить к Дунаю. Ушаков, справедливо полагая, что в нравственном отношении половина победы на его стороне, приказал нести все паруса и, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, обрушил всю мощь бортовой артиллерии на передовую часть турецкого флота. Флагманский корабль Ушакова «Рождество Христово» вел бой с тремя кораблями противника, заставив их выйти из линии. Российские суда храбро следовали примеру своего предводителя. Начавшееся сражение поражало своей грандиозностью. Замешательство турок возрастало с каждой минутой. Теснимые русскими судами передовые неприятельские корабли принуждены были пуститься в бегство. Флагманский корабль Саид-бея 74-пушечный «Капудания», будучи сильно поврежденным, отстал от турецкого флота. Русские корабли окружили его, но он продолжал храбро защищаться. Тогда Ушаков, видя бесполезное упорство неприятеля, направил к нему «Рождество Христово», подошел на расстояние 30 сажен и сбил с него все мачты; затем встал бортом против носа турецкого флагмана, готовясь к очередному залпу. В это время «Капудания» спустил флаг.

«Люди неприятельского корабля, — докладывал впоследствии Ушаков, — выбежав все наверх, на бак и на борта, и поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметь оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время бою храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саид-бея были столь безпредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности.» Когда русские моряки с объятых пламенем «Капудания» сняли капитана, его офицеров и самого Саид-бея, корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казной турецкого флота. Взрыв огромного флагманского корабля на глазах у всего флота произвел на турок сильнейшее впечатление и довершил победу, добытую Ушаковым при Тендре. «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу», — так восторженно отзывался на эту победу князь Потемкин.

Сам же Федор Федорович ясно понимал: победы русскому православному воинству дарует именно Господь и без помощи Божией всё умение человеческое ничтоже есть. Знал, что далеко отсюда, на берегу реки Мокши, в Санаксарской святой обители, возносит молитвы о нем старец Феодор, в этот год приблизившийся к исходу от земного своего бытия. По возвращении в Севастополь командующим флотом Феодором Ушаковым был дан приказ, в котором говорится: «Выражаю мою наипризнательнейшую благодарность и рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему моления за столь счастливо дарованную победу; всем, кому возможно с судов, и священникам со всего флота быть в церкви Св.Николая Чудотворца в 10 часов пополуночи и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля «Рождества Христова» из 51 пушки.»

А в следующем, 1791 году, в завершение русско-турецкой войны, контр-адмирал Федор Ушаков одержал блистательную победу у мыса Калиакрия. Это был год, когда Турция намеревалась нанести решительный удар по России, чтобы принудить ее к заключению выгодного для Турции мира. Султан призвал на помощь флот из африканских владений, прославившийся под предводительством алжирца Саит-Али. Тот, будучи тронут вниманием султана, хвастливо пообещал ему, что, встретясь с русскими,

пойдет он со всеми своими кораблями на abordаж и либо погибнет, либо возвратится победителем, а самого виновника недавних поражений — Ушакова — приведет в Константинополь в цепях. Предстояло дело генеральное и решительное; это сознавалось всем нашим флотом. «Молитесь Богу! — писал князь Потемкин Ушакову. — Господь нам поможет, положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!» Тридцать первого июля на подходах к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший в линии на якоре под прикрытием береговых батарей. В это время часть турецкой команды вместе с командирами праздновали на берегу мусульманский курбан-байрам. Появление эскадры Ушакова было для них полной неожиданностью — их охватила паника. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. Капудан-паша бежал под ветер и начал строить линию на правый галс. При этом несколько кораблей, не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, столкнулись друг с другом и получили повреждения. Ушаков, будучи на ветре и пользуясь неразберихой в стане неприятеля, принял изумительное по находчивости решение и повел свой флот между турецкими кораблями и беспрестанно палящей береговой батареей, отрезая корабли от берега. Бой разгорелся с потрясающей силой. Боевая линия турок была разбита, их корабли были настолько стеснены, что били друг в друга, укрываясь один за другого. Ушаков на флагманском корабле «Рождество Христово» погнался за пытавшимся уйти знаменитым Саит-Али и, сблизившись с ним, атаковал его. Первым же ядром с русского флагмана на алжирском корабле вдребезги разнесло фор-стенгу, щепка от которой отлетела в Саит-Али, тяжело ранив его в подбородок. Окровавленный алжирский предводитель, не так давно похвалявшийся пленением Ушакова, был унесен с палубы в каюту. Передавали, что будто бы наш адмирал, проходя в пылу сражения под самой кормой алжирца, закричал ему с юта по-русски: «Саит-бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!» Русские корабли, окружив противника, буквально осыпали его ядрами. Турецкий флот был «совершенно уже разбит до крайности» и в очередной раз бежал с поля боя. Наступившая темнота, пороховой дым и перемена ветра спасли его от полного разгрома и пленения. Весь турецкий флот разбросало по морю. Большая часть экипажей была перебита, в то время как на русских кораблях потери были незначительны. А в Константинополе, не имея известий о происшедшем морском сражении, продолжали праздновать курбан-байрам и радовались; но вскоре «сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх», вызванные появлением у крепостей Босфора остатков эскадры «славного алжирца» Саит-Али: вид пришедших пяти его линейных кораблей и пяти других малых судов был ужасен, «некоторые из оных без мачт и так повреждены, что впредь служить на море не могут»; палубы были завалены трупами и умирающими от ран; в довершение всего корабль самого Саит-Али, войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи... Турецкий султан был настолько напуган увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией.

Русско-турецкая война закончилась. 29 декабря 1791 года в Яссах подписан был мирный договор. Российское государство, укрепив свои позиции на юге, «твердою ногою встало на завоеванных им водах Черного моря».

Императрица Екатерина II в своем рескрипте писала контр-адмиралу Феодору Ушакову: «Тотчас по получении известия о знаменитой победе на Черном море в конце последней кампании, одержанной под предводительством вашим над турецким флотом,

который с величайшим повреждением из среды сего моря загнан в самую близость столицы оттоманской, ознаменовали МЫ благоволение НАШЕ к вам пожалованием вас кавалером Ордена НАШЕГО Святаго Александра Невского...»

Начались относительно спокойные годы; командующему Черноморским флотом надлежало теперь упрочить морскую мощь государства и надежным стражем стоять от посягательств со стороны Босфора. Еще в начале войны Федор Ушаков принял главное начальство над портом и городом Севастополь, но в первое время, отвлекаемый военными действиями, он не мог сделать много. По заключении мира, он немедленно приступил к починке кораблей, постройке разных мелких судов; по его распоряжениям и при неустанном личном участии на берегах бухт строились пристани, в выломах скал — склады. Трудно было с размещением на берегу матросов и прочих нижних чинов: они жили в хижинах и казармах, находившихся в низменных местах бухты, где от гнилого воздуха, исходящего от болот Инкермана, люди часто болели и умирали. Федор Федорович, как и в период борьбы с чумой в Херсоне, стал принимать самые решительные меры к прекращению болезней. В удобных, возвышенных и наиболее здоровых местах им построены были казармы, госпиталь. Он заботился и об устройстве дорог, рынков, колодцев и вообще снабжении города пресной водою и жизненными припасами; учредил перевоз через бухты на вольнонаемных гребных судах... Небольшая соборная церковь Святителя Николая, покровителя мореплавателей, была им перестроена и значительно увеличена. Бывало, что из казенных сумм, определяемых на содержание Черноморского флота, те или иные поставлялись несвоевременно или же вовсе ощущался в них недостаток — тогда Ушаков выдавал из собственных денег по несколько тысяч в контору Севастопольского порта, чтобы не останавливать производства работ; «он чрезвычайно дорожил казенным интересом, утверждая, что в собственных деньгах должно быть щедрым, а в казенных скупым, — и правило сие доказывал на деле». Историк того времени пишет: «При усиленной настойчивой деятельности Ушакова по части корабельного и прочего благоустройства... ему и его неустанной заботливости мы обязаны не только тем, что наш флот является хорошо вооруженным, но и тем, что порт Севастополь за последнее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежели во всё продолжение своего существования.»

Освободясь на время от ратных дел, прославленный адмирал, который «к вере отцов своих оказывал чрезвычайную приверженность», имел теперь возможность более предаваться молитве: сохранилось драгоценное свидетельство о его жизни в Севастополе, когда он «каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной...» В начале 1793 года он призван был Императрицею в Петербург. Екатерина II пожелала видеть героя, стяжавшего себе такую громкую славу, и «встретила в нем человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни. Строгий адмирал, созданный для моря, вполне носил на себе отпечаток этого призвания и далеко не всегда мог выражаться столь же метко и красноречиво, как заставлял говорить орудия в батареях своих кораблей». За заслуги перед Престолом и Отечеством Екатерина II поднесла ему в дар необыкновенной красоты золотой складень-крест с мощами Святых Угодников. В том же году Федору Ушакову пожалован был чин вице-адмирала.

6 ноября 1796 года Екатерина II отошла в вечность, и на Российский Престол вступил Император Павел I.

Европу тем временем потрясали трагические события. Революционная Франция, поправ законы Божеские и человеческие и умертвив Монарха, «обратилась к завоеванию и порабощению соседних держав». Под предводительством Наполеона Бонапарта многотысячное французское войско рвалось в бой. Французы вторглись в Северную Италию, которой быстро овладели; затем Бонапарт направил оружие против Венецианской республики: его стратегия предполагала захват Ионического архипелага и контроль над Средиземным морем. «Острова Корфу, Занте и Кефалония важнее для нас, чем вся Италия вместе», — самодовольно заявлял он. «Развратные деяния» французов заставили ополчиться против них все имперские дворы Европы. В России начались сборы 50-тысячной армии, которую планировалось направить в Европу под командованием славного Суворова. На Балтике собралась эскадра для отправки в Северное море. Вице-адмирал Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот. Сложность военно-политической обстановки для России заключалась в том, что не было никакой ясности, от какого противника — Турции или Франции — защищать южные рубежи. Франция подстрекала Турцию к войне с Россией, и туркам, конечно же, хотелось возвратить отторгнутые Россией земли; но, с другой стороны, Оттоманской Порте была и крайне неприятна «революция, произведенная генералом Бонапартом в правлении венецианском», ибо соседство на Балканах с французами становилось для Порты куда более опасным, чем потеря Крыма. Вскоре султан Селим III обратился к Российскому Императору с просьбой о присылке вспомогательной эскадры и предложил России союз против Франции. В связи с этим вице-адмиралу Ушакову доставлен был Высочайший рескрипт: «Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать решительное сражение, и МЫ надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь НАШЕГО флага соблюдена будет...» Агрессия Франции развивалась — завладев Ионическим архипелагом, Наполеон взял и остров Мальта. В начале августа 1798 года, находясь вблизи Севастопольского рейда с вверенной ему эскадрой, Федор Ушаков получил Высочайшее повеление «тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу зловерных намерений Франции, яко буйнаго народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и Богом установленное правительство и законы... но и у соседственных народов, которые по несчастию были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями...» Взяв курс на Константинополь, российская эскадра скоро приблизилась к Босфору, и одного этого оказалось достаточным, чтобы Порта немедленно объявила войну республиканской Франции.

Турция встречала русские суда на удивление дружелюбно: «Весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры безподобно обрадован, учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны», — докладывал Федор Федорович Императору Павлу I. Корабли российской эскадры были окружены разного рода фелюгами с любопытствующими местными жителями. Всем хотелось посмотреть на столь грозную силу, сокрушившую некогда их знаменитых адмиралов Гассан-пашу и Кючук-Гуссейна. И все надеялись лично увидеть русского «Ушак-пашу». Не удержался от соблазна и султан, который в тот же день объезжал эскадру инкогнито. При этом он сам, придворные и гребцы на шести лодках были «в босякском одеянии». Поразила турок опрятность, строгий порядок на русских судах. Один из влиятельных вельмож на встрече у визиря заметил, что «12 кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка; а матросы столь кротки, что не причиняют жителям никаких по улицам

обид». И облик, и весь дух православного воинства были удивительны туркам. Российская эскадра пробыла в Константинополе две недели; 8 сентября, «дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины», она снялась с якоря и при благополучном ветре направила свой путь к Дарданеллам, к месту соединения с турецким флотом.

Командующим объединенными силами назначен был вице-адмирал Ушаков. Турки, на собственном опыте зная его искусство и храбрость, полностью доверили ему свой флот, а капудан-паша Кадыр-бей именем султана обязан был почитать российского вице-адмирала «яко учителя». Таким образом, между Империей Всероссийскою и Оттоманской Портой заключен был Союзный оборонительный договор, «во Имя Господа Всемогущего» подписанный в Константинополе. Удивительное это было событие! Случалось ли еще когда в мировой истории подобное? «В один миг взаимные опасения исчезли, вековая вражда была забыта, и Европа увидела с изумлением, что в то время, когда не заживлена была рана, нанесенная Турции отторжением от нее Крыма, когда свежи были развалины некогда грозного Очакова и не замолкли рассказы о кровопролитных штурмах Измаила и Анапы, два народа, бывшие почти в непрерывной между собою вражде, и разнствующие один от другого и правилами Веры, и языком, и обычаями, вступили между собою в тесный союз против нарушителей общего спокойствия.»

Так началась знаменитая Средиземноморская кампания вице-адмирала Феодора Ушакова, в которой он показал себя не только как великий флотоводец, но и мудрый государственный деятель, политик и дипломат, христианин-милосердец и благодетель освобожденных им народов.

Первой задачей эскадры было взятие Ионических островов, расположенных вдоль юго-западного побережья Греции, главный из которых — Корфу, имея и без того мощнейшие в Европе бастионы, был еще значительно укреплен французами и считался неприступным. Коренные жители оккупированных островов были православными греками, а на Корфу находилась (пребывает и доныне) великая христианская святыня — мощи святителя Спиридона Тримифунтского. Феодор Ушаков поступил мудро: он прежде всего обратился с письменным воззванием к жителям островов, призывая их содействовать в «низвержении несносного ига» безбожников-французов. Ответом была повсеместная вооруженная помощь населения, воодушевленного прибытием русской эскадры. Как ни сопротивлялись французы, наш десант решительными действиями освободил о.Цериго, затем Занте...

Когда французский гарнизон на о.Занте сдался, то «на другой день главнокомандующий вице-адмирал Ушаков, вместе с капитанами и офицерами эскадры, съехал на берег для слушания благодарственного молебна в церкви Св. Чудотворца Дионисия. Звоном колоколов и ружейной пальбой приветствованы были шлюпки, когда приближались к берегу; все улицы украсились выставленными в окнах русскими флагами — белыми с синим Андреевским крестом, и почти все жители имели такие же флаги в руках, безпрестанно восклицая: «Да здравствует Государь наш Павел Петрович! Да здравствует избавитель и возстановитель Православной Веры в нашем отечестве!» На пристани вице-адмирал принят был духовенством и старейшинами; жители повсюду встречали его с особенными почестями и радостными криками; по следам его бросали цветы; матери выносили детей, заставляя их целовать руки не только у офицеров, но и у матросов. Женщины, а особливо старые, протягивали из окон руки, крестились и плакали», — так читаем мы в описании очевидца.

То же было и при о.Кефалония: «жители везде поднимали русские флаги и способствовали десантным войскам отыскивать французов, скрывшихся в горах и ущельях; а когда остров был взят, местный архиерей и духовенство с крестами, все дворянство и жители, при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, встретили начальника русского отряда и командиров судов, когда они съехали на берег».

Но между тем, с самого начала совместной кампании, а особенно когда перешли к военным действиям, выяснилось, что от турецкой вспомогательной эскадры помощи было менее, а более неприятностей и хлопот. Турки, при всех льстивых заверениях и готовности сотрудничать, были настолько неорганизованы и дики, что вице-адмирал должен был держать их позади своей эскадры, стараясь не подпускать к делу. Это была обуза, о которой, впрочем, будучи главнокомандующим, он обязан был заботиться, т.е. кормить, одевать, обучать воинскому ремеслу, чтоб использовать хоть отчасти. Местное население открывало двери русским — и захлопывало их перед турками. Феодору Феодоровичу приходилось непросто, и он проявил много рассудительности, терпения, политического такта, чтобы соблюсти союзные договоренности и удержать турок от присущих им безобразий — главным образом, от необузданного варварства и жестокости. Особенно не нравилось туркам ласковое обращение русских с пленными французами. Когда Феодор Ушаков принял первых пленных на о.Цериго, капудан-паша Кадыр-бей просил его о позволении употребить против них военную хитрость. «Какую?» — спросил Ушаков. Кадыр-бей отвечал: «По обещанию вашему, французы надеются отправиться в отечество и лежат теперь спокойно в нашем лагере. Позвольте мне подойти к ним ночью тихо и всех вырезать.» Излишне говорить, что турецкому адмиралу отказано было, чему он крайне дивился... Но особенно много хлопот доставлял Ушакову хитрый и коварный Али-паша, командовавший сухопутными турецкими войсками и привыкший безнаказанно лютовать на греческом и албанском побережьях.

10 ноября 1798 года Феодор Ушаков в донесении пишет: «Благодарение Всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прочие острова от рук зловерных французов освободили.» Теперь, собрав все силы при Корфу, главнокомандующий начал осуществлять блокаду острова и подготовку к штурму этой мощнейшей в Европе крепости. Блокада, вся тягость которой пала на одну русскую эскадру, проходила в условиях для наших моряков самых неблагоприятных. Прежде всего последовали значительные перебои с поставкой продовольствия и амуниции, также и материалов, необходимых для текущего ремонта судов, — все это по договору обязана была делать турецкая сторона, однако сплошь и рядом возникали несоответствия, происходящие от злоупотреблений и нерадения турецких чиновников. Эскадра была «в крайне бедственном состоянии». Затем, опять же турецкие должностные лица, которые обязаны были предоставить в срок десантные войска с албанского берега общим числом до 14 тысяч человек и даже «столько, сколько главнокомандующий от них потребует», в действительности собрали лишь треть обещанного, так что в донесении Государю вице-адмирал Ушаков пишет: «Если бы я имел один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не допускать.» Помимо неурядиц с союзниками, блокада осложнялась также и упорным сопротивлением французов, да еще зима в тот год была необыкновенно сурова на юге Европы; «наши служители, от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту или же

обмороженные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались». Сам адмирал, поддерживая дух своих моряков, подавал пример неутомимой деятельности: «день и ночь пребывал он на корабле своем в трудах, обучая матросов к высадке, к стрельбе и ко всем действиям сухопутного воина», — пишет участник тех событий капитан-лейтенант Егор Метакса. Всё до мельчайших деталей продумано было адмиралом, в том числе им разработано было 132 сигнальных флага для управления кораблями и десантом. Наконец, все было готово для штурма, и на общем совете положено было исполнить это при первом удобном ветре. Войскам дана была боевая инструкция, которую вице-адмирал Федор Ушаков закончил словами: «...поступать с храбростью, благоразумно и сообразно с законами. Прошу благословения Всевышнего и надеюсь на ревность и усердие господ командующих».

Благоприятный ветер подул 18 февраля, и в 7 часов пополуночи начался штурм. Первоначально удар был обрушен на остров Видо, с моря прикрывавший главную крепость. В описании Егора Метаксы читаем: «Безпрерывная страшная стрельба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности. Видо, можно сказать, был весь взорван картечами, и не только окопы, не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом. Пушки с батареей французских были сбиты; все люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная, где укрыться.» В решительных случаях Федор Ушаков подавал собою пример, так и теперь, сигналом приказавши всем судам продолжать свои действия несмотря на движение флагмана, сам подошел вплотную к берегу против сильнейшей батареи французов и через короткое время сбил эту батарею, у которой «в печах было множество приготовленных каленых ядер», и она ими пала. «Турецкие же корабли и фрегаты — все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то чрез нас, и два ядра в бок моего корабля посадили...» — писал впоследствии адмирал. «Остров усеян был нашими ядрами, сильною канонадою все почти батареи его истреблены и обращены в прах.» В то же время на флагманском корабле «Святой Павел» был поднят сигнал к высадке десанта, заблаговременно посаженного на гребные суда. Под прикрытием корабельной артиллерии десант утвердился между вражескими батареями и пошел к середине острова. Турки, входившие в состав десанта, озлобленные упорным сопротивлением французов, принялись резать головы всем пленным, попавшимся в их руки. Происходили дикие сцены, подобные следующей, описанной очевидцем: "Наши офицеры и матросы кинулись вслед за турками, и так как мусульманам за каждую голову выдавалось по червонцу, то наши, видя все свои убеждения не действительными, начали собственными деньгами выкупать пленных. Заметив, что несколько турок окружили молодого француза, один из наших офицеров поспешил к нему в то самое время, когда несчастный развязывал уже галстух, имея перед глазами открытый мешок с отрезанными головами соотечественников. Узнав, что за выкуп требовалось несколько червонцев, но не имея столько при себе, наш офицер отдает туркам свои часы — и голова француза осталась на плечах..." Увещания и угрозы не могли привести турок к послушанию; тогда командир русских десантников составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и тем спасена была жизнь весьма многих.

К двум часам пополудни остров Видо был взят. А на следующий день, 19 февраля 1799 года, пала и крепость Корфу. Это был день великого торжества адмирала Федора Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли, поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его

уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был день торжества русского православного духа и преданности своему Отечеству. Взятый в плен «генерал Пиврон был объят таким ужасом, что за обедом у адмирала не мог удержать ложки от дрожания рук, и признавался, что во всю свою жизнь не видал ужаснейшего дела». Узнав о победе при Корфу, великий русский полководец Суворов воскликнул: «Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю сам себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

На другой день после сдачи крепости, когда главнокомандующему привезены были на корабль «Святой Павел» французские флаги, ключи и знамя гарнизона, он сошел на берег, «торжественно встреченный народом, не знавшим границ своей радости и восторга, и отправился в церковь для принесения Господу Богу благодарственного молебствия... А 27 марта, в первый день Святой Пасхи, адмирал назначил большое торжество, пригласивши духовенство сделать вынос мощей Угодника Божиего Спиридона Тримифунтского. Народ собрался со всех деревень и с ближних островов. При выносе из церкви святых мощей — расставлены были по обеим сторонам пути, по которому пошла процессия, русские войска; гробницу поддерживали сам адмирал, его офицеры и первые чиновные архонты острова; святые мощи обнесены были вокруг крепостных строений, и в это время отовсюду производилась ружейная и пушечная пальба... Всю ночь народ ликовал.»

Резонанс столь славной победы был очень силен. Со всех сторон доходили до Феодора Ушакова «великие похвалы». Император Павел I за победу при Корфу произвел его в адмиралы. Впрочем, это была последняя награда, полученная им от своих государей.

Воздав благодарение Богу, адмирал продолжил выполнение возложенных на него задач. Требовалось образовать на освобожденных островах новую государственность, и адмирал Ушаков, как полномочный представитель России, в сложнейшей политической обстановке, когда необходимо было учитывать интересы многих, сумел, не поступившись своими христианскими убеждениями, создать на Ионических островах такую форму правления, которая обеспечила всему народу «мир, тишину и спокойствие». «Люди всех сословий и наций, — обращался он к жителям островов, — чтите властное предназначение человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух вендетты, да воцарится мир, добрый порядок и общее согласие!..» Феодор Ушаков, будучи верным слугой Царю и Отечеству, ревностно отстаивал интересы русской политики на Средиземном море и Балканах, и в то же время, как христианин, как человек «доброты необыкновенной» — он движим был искренним желанием дать греческому населению, как друзьям России, как единоверцам, недавним соратникам в освобождении островов «от зловредных и безбожных французов», — спокойствие и благополучие. Так родилась знаменитая Ионическая конституция 1799 года и образовалась Республика Семи Соединенных Островов — первое греческое национальное государство нового времени. Феодор Ушаков, показавший здесь себя великим сыном России, говорил впоследствии, что «имел счастье освободить оные острова от неприятелей, устанавливать правительства и содержать в них мир, согласие, тишину и спокойствие...»

И в то же время, попущением Божиим, пришлось Феодору Феодоровичу претерпеть великие нравственные страдания. Прежде всего, некоторые турецкие военачальники, тот же Али-паша, печально известный своею лютостью, и другие, разгневанные строгими мерами русского адмирала, решительно пресекавшего жестокости и безобразия турок, доходивших до кощунств, когда это необузданное войско «грабило церкви, разоряло иконостасы», — начали клеветать на Феодора Ушакова, обвиняя его перед русским посланником в Константинополе В.С.Томарой в том, что адмирал-де неправильно

распределяет между союзными эскадрами призовые, полученные за победу, деньги, к тому же присваивая их себе... Честный и нестяжательный Федор Федорович должен был объясняться. Со скорбью пишет он посланнику: «Я не интересовался нигде ни одной полушкой и не имею надобности; Всемилостивейший Государь мой Император и Его Султанское Величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды, и еще уделяю бедным, и для привлечения разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Я не имею этой низости, как злословит меня капудан-паша...» И в другом письме: «Все сокровища в свете меня не обольстят, и я ничего не желаю и ничего не ищу от моего малолетства; верен Государю и Отечеству, и один рубль, от Монаршей руки полученный, почитаю превосходнейше всякой драгоценности, неправильно нажитой.»

Было и другое: когда лучшие качества Федора Ушакова как воина-христианина, например, его милосердие к пленным, входили в конфликт с интересами высшей государственной политики; сколько сердечной боли должен был испытывать адмирал, которого вышеупомянутый В.С.Томара называет «наш добрый и честный Федор Федорович» и вместе с тем препровождает к нему секретное распоряжение, в коем «при изъявлении душевного почтения к полезным и славным трудам» адмирала, ему разъясняется, «что намерение Высочайшего Двора есть стараться чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию; следственно, соблюдая с вашей стороны в рассуждении французов правила войны, вообще принятые, не должно понуждать турков к наблюдению их. Пушай они что хотят делают с французами... а вам обременяться пленными не следует и невозможно». И сколько было случаев, подобных этому!

И наконец, положение самой русской эскадры, которой необходимо было продолжать военные действия против французов, оставалось во многих отношениях тяжким. Прежде всего, продовольствие, поставляемое турками из Константинополя, было весьма нехорошего качества да и поставлялось невовремя; эти «и прочие разные обстоятельства, — писал адмирал, — повергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Изюм древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся... Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду». Эти его слова, полные скорби и недоумения от происходящего, многого стоят. Что же помогло устоять русским морякам против стольких испытаний? Несомненно, их православный дух, их верность Царю и Отечеству, великий пример главнокомандующего и их всеобщая любовь к нему — «батюшке нашему Федору Федоровичу». Он всегда учил своих офицеров: «Запомните непреложное правило, что командир над кораблем почитается защитителем других и отцом всего экипажа.»

А между тем миссия его в Средиземном море еще не закончилась. В Северной Италии в грандиозных сражениях русские чудо-богатыри под предводительством славного Суворова громили «непобедимую» армию французов. Суворов просил адмирала Ушакова с юга оказывать ему всемерную поддержку. И вот, находясь в теснейшем взаимодействии, они били французских республиканцев на суше и на море. Два великих сына России — они показали всему миру, что такое русское воинство. Отряды кораблей с десантом стремительными передвижениями по Адриатике и вдоль юго-западных берегов Италии наводили панику на французские гарнизоны. Но и тут не обошлось без козней: интриговали англичане, а их знаменитый контр-адмирал Горацио Нельсон всячески

пытался досаждать Ушакову; слава русского флотоводца не давала покоя Нельсону. В переписке с своими друзьями он заявлял, что Ушаков «держит себя так высоко, что это отвратительно». Спокойная учтивость русского адмирала раздражала Нельсона: «Под его вежливой наружностью скрывается медведь...» И наконец, уже с полной откровенностью: «Я ненавижу русских...» Это чувствовал и сам Феодор Феодорович: «Зависть, быть может, против меня действует за Корфу... Что сему причиною? не знаю...» Тем временем русские моряки и десантники взяли города Бари, Неаполь, а затем 30 сентября 1799 года — вошли в Рим.

Неаполитанский министр Мишуру, бывший при нашем отряде, с изумлением писал адмиралу Ушакову: «В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не всё, войска заставили население обожать их... Вы могли бы их видеть осыпанными ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена.»

Предстояло еще взятие Мальты, но тут в очередной раз вмешалась политика — и на исходе 1799 года адмирал Феодор Ушаков получил приказ Императора Павла I о возвращении вверенной ему эскадры на родину, в Севастополь...

Он еще несколько времени провел на Корфу, готовя эскадру к длительному пути, занимаясь делами местного управления, прощаясь с островами. Он полюбил греков, и они сторицею платили ему тем же; они видели в нем друга и освободителя. «Безпрестанно слышу я просьбы и жалобы народные, и большей частью от бедных людей, не имеющих пропитания...» — и адмирал, будучи печальником народных нужд, старался с помощью Божией, насколько мог, способствовать улучшению их жизни. Жители Республики Семи Островов прощались с адмиралом Феодором Ушаковым и его моряками не скрывая слез, благодаря их и благословляя. Сенат острова Корфу назвал адмирала «освободителем и отцом своим». «Адмирал Ушаков, освободя сии острова геройственною своею рукою, учредив отеческими своими благорасположениями соединение их, образовав нынешнее временное правление, обратил яко знаменитый освободитель все свое попечение на пользу и благоденствие искупленных им народов.» На золотом, осыпанном алмазами мече, поднесенном ему, была надпись: «Остров Корфу — адмиралу Ушакову». На золотой медали от жителей острова Итака — «Феодору Ушакову, российских морских сил главному начальнику, мужественному освободителю Итаки». Столь же памятные и дорогие награды были и от других островов. Но адмирал, слишком хорошо уже узнавший превратности высшей политической жизни, покидал Ионические острова с чувством тревоги за их дальнейшую судьбу. На душе его было скорбно...

26 октября 1800 года эскадра адмирала Феодора Ушакова вошла в Севастопольскую бухту.

А в ночь на 11 марта 1801 года в результате заговора проанглийски настроенных изменников был зверски убит Император Павел I. На Российский Престол вззошел его сын Александр. И вновь политика России резко менялась. Вскоре адмирал Феодор Ушаков был переведен в Санкт-Петербург. При Дворе возобладало мнение о ненужности большого флота для «сухопутной» России. Тогдашний морской министр высказывался о флоте, что «он есть обременительная роскошь», а другой деятель морского ведомства писал: «России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том и не

представляется ни пользы, ни надобности.» Каково было слышать это старому боевому адмиралу! В 1804 году он составляет подробнейшую «Записку...» о деятельности своей в служении Российскому флоту, в которой как итог есть такие слова: «Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность онаго флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей Благости ни одно судно из онаго не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался.» Было ли еще где-либо подобное?..

Обострялись болезни, усиливались душевные скорби. Но не забывал адмирал заботиться о ближних своих: в его дом в Петербурге часто приходили за помощью. Одних он снабжал деньгами, одеждой, за других, особо нуждающихся, ходатайствовал перед более имущими господами. Например, переписываясь с известным благотворителем графом Н.П.Шереметевым, построившим в Москве в память своей умершей жены Странноприимный дом, Федор Федорович не однажды обращался к нему с просьбами подобного характера: «Зная доброе расположение Ваше к спасительным делам и благодеянию, посылаю к Вашему Сиятельству двух странниц, пришедших из отдаленного края просить позволения о построении храма Божьего и устроении жилищ в пользу увечных и больных. По их бедности, я содержу их в своем доме и одел их.» Кроме того, он взял на себя покровительство и заботу о племянниках, осиротевших после смерти отца.

Продолжая нести службу в должности главного командира Балтийского гребного флота, а кроме того еще и начальника Петербургских флотских команд и председателя квалификационной комиссии «по производству в классные чины шкиперов, подшкиперов, унтер-офицеров и клерков Балтийских и Черноморских портов», образованной при Морском кадетском корпусе, Федор Ушаков старался и эти обязанности исполнять с ревностью и усердием, как это вообще было ему свойственно в любом деле, — но мы навряд ли ошибемся, если предположим, что для боевого адмирала такая служба государева была утомительной. Он с болью следил за происходящим в Европе: близился к завершению один из этапов франко-русской войны, готовился мир в Тильзите; Император Александр I станет союзником Наполеона Бонапарта, а Ионические острова переданы будут «зловредным» французам. Адмиралу Ушакову предстояло и это пережить.

19 декабря 1806 года он подает Императору прошение об отставке. «Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил и здоровья, Богу известны — да будет воля Его святая.»

Отойдя от служебных дел, он некоторое время живет в Санкт-Петербурге, продолжает покровительствовать племянникам, готовится к переезду на постоянное и уже последнее место своей земной жизни. Куда?.. Было несколько небольших деревень на родине в Ярославской губернии, был участок земли вблизи Севастополя... Душа адмирала, от младенчества взыскавшая Господа, просила покоя, уединения, молитвы. Он принимает решение, исполненное глубокого смысла: он избирает для жительства тихую деревню Алексеевка, в Темниковском уезде, вблизи Санаксарского Рождество-Богородичного монастыря, где во все прошедшие годы его ратных подвигов молился о нем его родной дядя — преподобный Федор. Нам неизвестно, встречались ли они при жизни, но что молитвенное их общение никогда не прерывалось — это несомненно. Потому и устремилась сюда, к святой обители душа адмирала, что здесь подвизался о Господе и упокоился самый духовно близкий ему человек на земле. Монах и моряк — они оба были воинами Христовыми, оба делали одно дело: ревностно служили Господу — на том

поприще, на которое Он их благословил.

Перед тем как окончательно, в 1810 году, покинуть столицу, Федор Федорович, «памятуя час смертный с каковою незапностью оный приключается», пишет завещание. Никогда не имевший своей семьи и своих детей, он все небогатые владения передает в собственность племянникам, «которых почитаю я вместо детей моих и о благе их стараюсь как собственный их отец». Начался завершающий период его земной жизни.

Сохранилось свидетельство тогдашнего настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила: «Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санакарской обители, по прибытии своем из Санкт-Петербурга, вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в деревне Алексеевке, расстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолья в монастырь к службам Божиим во всякое время. В Великий пост жил в монастыре, в келье, для своего пощения и приготовления к Св. Тайнам по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопустительно и слушал благоговейно. В послушаниях же монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего обители значительные благотворения; так же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния и вспоможения.»

А в отечестве вновь было неспокойно. На юге шли ожесточенные бои с турками. С запада нависла угроза Наполеоновского нашествия. С какими чувствами следил за происходящим Федор Федорович? Он как никто понимал, что если собрать Черноморский флот и ударить по Оттоманской столице, то с большой пользой и в кратчайшие сроки можно будет вывести из войны Турцию и сконцентрировать усилия войск на западной границе. Но командующий Черноморским флотом адмирал маркиз И.И.Траверсе был иных воззрений...

На борьбу с французами поднялся весь народ. В Тамбовской губернии, как и по всей России, создавались ополчения для защиты Отечества. На губернском собрании дворянства, на котором Федор Федорович не смог принять участие по болезни, он был избран большинством голосов начальником внутреннего тамбовского ополчения. Предводитель дворянства писал ему: «Долговременная опытность службы Вашей и отличное усердие перед Престолом Российской державы, Вами доказанные, да подадут дворянству твердые способы к ревностным подвигам на пользу общую, да подвигнут всех к благодетельным пожертвованиям и да вдохнут готовность в сердце каждого принять участие к спасению Отечества...» «За благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность, — отвечал адмирал. — С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнь и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу.» Но, между тем, вместе с темниковским соборным протоиереем Асинкритом Ивановым он устроил госпиталь для раненых, вложив деньги на его содержание. Две тысячи рублей внесено им на формирование 1-го Тамбовского пехотного полка. Все, что имел, отдавал «на воспомоществование ближним, страждущим от разорения злобствующего врага...» Еще в 1803 году им внесены были 20 тысяч рублей в Опекунский совет Санкт-Петербургского воспитательного дома; теперь он всю сумму с причитающимися на нее процентами передает в пользу разоренных войной: «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедствующим и странствующим, не имеющим жилищ, одежды и пропитания.» Не только крестьяне окрестных деревень, не только жители города Темникова, но и из

отдаленных мест приезжали к нему многие. С страдальцами, лишившимися имущества, делился он тем, что имел; обремененных скорбью и унынием утешал непоколебимой надеждой на благость Небесного Промысла. «Не отчаивайтесь! — говорил он. — Сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к Престолу восторжествуют. Мне немного остается жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!»

Остаток дней своих, по словам того же иеромонаха Нафанаила, адмирал провел «крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви 1817 года октября 2-го дня и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же.»

Отпевал усопшего адмирала в Спасо-Преображенской церкви г. Темникова протоиерей Асинкрит Иванов, который перед тем, в праздник Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, принимал его последнюю исповедь и причащал Святых Тайн; когда гроб, при большом стечении народа, был вынесен на руках из города, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его до самой Санаксарской обители. Там встретила благоверного боярина Феодора монастырская братия — и положили его у стены соборного храма, рядом с родным ему преподобным Старцем, чтобы быть им отныне вместе навеки.

4 - 5 августа 2001 года в Санаксарском Рождества Богородицы монастыре Саранской епархии состоялись торжества, посвященные канонизации святого праведного воина Феодора (Ушакова), адмирала Российского флота.

На торжества по благословению Святейшего Патриарха и по приглашению архиепископа Саранского и Мордовского Варсонофия прибыли митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, архиепископы Тамбовский и Мичуринский Евгений, Симбирский и Мелекесский Прокл, епископы Пензенский и Кузнецкий Филарет, Балтийский Серафим, и.о. председателя Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов.

Канонизация адмирала Ушакова стала торжеством и для Военно-Морского флота России, делегация которого также прибыла в Санаксар. В ее состав входили начальник Главного штаба ВМФ адмирал флота В.А.Кравченко, заместитель начальника Главного штаба ВМФ вице-адмирал А.А.Побожий, командующий Черноморским флотом адмирал В.П.Комоедов, командующий Балтийским флотом вице-адмирал В.П.Валуев, заместитель командующего Северным флотом вице-адмирал В.Г.Доброскоченко и другие. Военно-морской флот Украины представлял главнокомандующий М.Б.Ежель.

Активное участие в организации и проведении торжеств приняли Глава Республики Мордовия Н.И.Меркушкин, руководство Правительства Республики. На торжества прибыли также председатель Союза писателей России В.Н.Ганичев и руководитель Российского ядерного центра Р.И.Илькаев.

4 августа, по совершении Всенощного бдения, крестный ход из собора Рождества Богородицы направился к кладбищенскому храму монастыря, где была отслужена последняя лития «о упокоении воина Феодора». Затем гроб с останками праведного Феодора под звуки военно-морского оркестра был перенесен присутствовавшими на торжествах адмиралами к памятнику-стеле адмиралу Ушакову. Здесь к собравшимся обратились Глава Республики Мордовия Н.И.Меркушкин, архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий, руководители Военно-морского флота.

После этого гроб с мощами был принят на руки Преосвященными Владыками, и крестный ход двинулся к монастырю.

На соборной площади архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий огласил Деяние о канонизации праведного Феодора Ушакова (1745 - 1817), местночтимого святого Саранской епархии.

При пении величания святому митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил молящихся иконой праведного воина.

Многочисленные богомольцы до окончания богослужения прикладывались к святым мощам (они будут находиться в соборе Рождества Богородицы в раке, имеющей форму корабля).

Праздник Санаксарской обители воистину стал знаменательным событием для флотов России и Украины. В сонме святых Русской земли появился ходатай о «сущих в мори далече», моряках, охраняющих водные рубежи нашей Родины, достойных преемниках и учениках гениального флотоводца святого праведного Феодора.

6 октября 2004 г в Москве Архиерейский Собор Русской Православной Церкви определил причислить к лику общецерковных святых и включить в Месяцеслов Русской Православной Церкви, имена преподобного Феодора Санаксарского (Ушакова; 1719-1791; память 19 февраля/4 марта и 21 апреля/4 мая) и праведного воина Феодора (Ушакова; 1745-1817; память 23 июля/5 августа и 2/15 октября), ранее прославленных как местночтимые святые Саранской епархии.